

ОЧЕРКИ ПО ГНОСЕОЛОГИИ ¹⁾.

¹⁾ Изъ лекцій, читанныхъ въ Московскомъ Университетѣ въ теченіе осенняго семестра 1906 года.

I.

Какъ исторически создалось преобладаніе въ современной философіи гносеологическаго интереса?

Было время, когда философы вопросами гносеологическими, или вопросами теоріи и критики познанія, совсѣмъ не занимались или занимались мимоходомъ, какъ бы случайно и не сознавая ихъ особенной, принципиальной важности. Такъ было въ античной философіи. Греческіе мыслители предпочитали осуществить задачу познанія всѣхъ "божескихъ и человѣческихъ вещей", а не размышлять много о разрѣшимости этой задачи и о средствахъ ея разрѣшенія. Настало время, когда философія почти исключительно занимается вопросами гносеологическими, а отъ гордаго притязанія на познаніе всѣхъ "божескихъ и человѣческихъ вещей" отрелася настолько основательно, что назвать какого-либо философа "метафизикомъ" сдѣлалось равносильнымъ нанесенію ему тяжкаго оскорбленія или опороченію его добраго имени. Это время -- наше время. Противоположность интересовъ и задачъ съ интересами и задачами философіи античной -- самая полная!

Что же произошло за тотъ долгій періодъ времени, который отдѣляетъ насъ отъ грековъ? Откуда такая "переоцѣнка цѣнностей"?

Окидывая общимъ взглядомъ исторію философіи отъ Фалеса до нашихъ дней, мы видимъ любопытную и въ своемъ родѣ единственную картину -- полнаго разгрома и крушенія тѣхъ началъ и притязаній, которыя нѣкогда побѣдоносно покоряли себѣ умы мыслящаго человѣчества и привлекали самыхъ гениальныхъ работниковъ къ созиданію грандіозныхъ, всеобъемлющихъ и всеобъясняющихъ системъ философіи. Разгромъ этотъ совершень положительными науками, которыя сначала довольствовались скромной и подчиненной ролью по отношенію къ философіи (даже ролью простыхъ частей ея), а потомъ исподволь эмансипировались, научились стоять на своихъ собственныхъ ногахъ и, наконецъ, такъ гордо подняли голову, что ихъ родоначальницѣ и прежней царицѣ, философіи, пришлось уже идти на копромиссы и размежевываться съ ними, какъ съ равноправными претендентками на познаніе міра. Но и такое положеніе скоро стало для философіи лишь пріятнымъ воспоминаніемъ. Позитивизмъ, подъ знаменемъ котораго стали наиболѣе преуспѣвшія науки (главнымъ образомъ, естественныя), подписалъ смертный приговоръ философіи въ старомъ смыслѣ этого слова и объявилъ себя единственною философіей. Отъ этого разгрома философія не оправилась и доселѣ. Потому то теперешніе философы, за рѣдкими исключеніями, такъ и стыдятся прослыть "метафизиками".

Но вмѣстѣ съ этимъ разгромомъ античныхъ традицій, объ руку съ нимъ, въ самой философіи нарождалось и развивалось движеніе, которое на мѣсто упраздняемыхъ принциповъ, притязаній и задачъ выдвигало новыя предпріятія, съ наукой не конкурировавшія, даже содѣйствовавшія ей въ разрушеніи метафизики, но, во всякомъ случаѣ, спасавшія отъ истребленія имя и честь философіи. Это были работы по теоріи и критикѣ познанія. Начавшись съ скромныхъ и даже позитивно настроенныхъ "опытовъ" и "исслѣдованій" Локка и Юма, это движеніе въ лицѣ Лейбница показало, что на солидномъ гносеологическомъ базисѣ философія можетъ отважиться и на метафизическую антрепризу; а въ безсмертной Кантовой "Критикѣ чистаго разума" оно воздвигло такую твердыню, о которую безсильно разбиваются волны самаго энергичнаго антифилософскаго натиска. Правда, базируясь на эту твердыню, нѣкоторые предпріимчивые и смѣлые умы (Фихте, Шеллингъ, Гегель, Шопенгауэръ) рѣшились заговорить въ прежнемъ авторитетно-философскомъ тонѣ и попытались снова привести мыслящее человѣчество къ присягѣ на вѣрность метафизикѣ: но эта попытка едва не стоила жизни философіи, потому что чѣмъ сильнѣе было обаяніе этой "поэзіи понятій", и чѣмъ полнѣе ея триумфъ, тѣмъ скандальнѣе оказалось ея крушеніе. Болѣе всего скопрометировала философію наиболѣе нашумѣвшая Гегелевская система: въ ней вполне воскресъ властный античный духъ;-- любопытно отмѣтить, что